



Т. Ю. ГНАТЮК, Т. И. ЮСУПОВА

# В свободном полете

Е. В. Козлова – ученый, путешественница, жена



Быть женой выдающегося человека – участь не всегда завидная, но всегда непростая. Имена этих подруг, «нянек», советчиков и помощников великих по праву остаются в памяти потомков. И все же большинство из этой славной плеяды светит отраженным светом славы своих мужей. Однако среди них встречаются женщины, которым удалось реализовать свой собственный творческий потенциал и занять место в истории под своим именем



ЮСУПОВА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, ученый секретарь филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург). Автор и соавтор около 60 печатных работ и 2 монографий

ГНАТЮК Татьяна Юрьевна – научный сотрудник Группы истории исследований Центральной Азии филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург). Автор и соавтор 6 печатных работ

**Ключевые слова:** экспедиция, орнитология, женщина в науке, П. К. Козлов, Е. В. Козлова, Центральная Азия, Монголо-Тибетская экспедиция  
**Key words:** expedition, ornithology, woman in science, P. K. Kozlov, E. V. Kozlova, Central Asia, Mongol-Tibetan expedition





В 1912 г. Лиля Пушкарева стала Елизаветой Козловой – женой знаменитого путешественника и географа П. К. Козлова

**П. К. КОЗЛОВ: ЖИЗНЬ В ПУТЕШЕСТВИИ**

Российский путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863—1935) принадлежит к числу выдающихся исследователей Центральной Азии второй половины XIX—начала XX в. Ученик и последователь Н. М. Пржевальского, он целиком посвятил свою жизнь научному освоению обширных территорий азиатского материка, малоизученных или совсем неизвестных географической науке того времени. Его экспедиционная деятельность продолжалась более сорока лет. С 1883 по 1926 г. П. К. Козлов совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, Восточный Тибет, три из которых возглавил лично. Результаты этих путешествий, по мнению видного исследователя Монголии Э. М. Мурзаева, «имеют совершенно исключительное значение для познания природы Азиатского материка».

Среди блестящей плеяды исследователей Центральной Азии особое место занимают женщины. Их можно буквально пересчитать по пальцам: О. А. Федченко, А. В. Потанина, М. П. Черская, М. В. Молессон... Но и эти имена остались в тени имен своих куда более известных мужей.

Последнее ни в коей мере не относится к жене, неизменной спутнице и помощнице знаменитого путешественника по Центральной Азии П. К. Козлова – известному российскому орнитологу Елизавете Владимировне Козловой, чьи работы, посвященные птицам Центрально-Азиатского региона, были признаны классическими еще при жизни. Ее судьба, как и судьба ее мужа, по праву стали достоянием истории науки.

**Встреча с судьбой**

Елизавета Козлова (урожденная Пушкарева) родилась 18 августа 1892 г. в Красном Селе под Петербургом в семье доктора медицины, где высоко чтили идеалы служения, полезной деятельности на благо общества. С детства Лиля отличалась самостоятельностью и серьезным отношением к учебе. Она увлекалась литературой, историей, математикой, позже – философией; свободно владела несколькими европейскими языками, хорошо играла на фортепиано.

Закончив в 1910 г. частную петербургскую гимназию с золотой медалью, Елизавета Пушкарева поступила в женский Педагогический институт на естественно-историческое отделение.

Летом того же года произошла встреча, определившая не только выбор профессии, но и весь дальнейший жизненный путь Елизаветы. Петру Кузьмичу Козлову было тогда 47 лет, и он находился в зените своей славы: участие в пяти экспедициях по Центральной Азии принесло ему широкую известность и награды европейских географических обществ.

Знакомство состоялось в курортном местечке Берк – Пляж в Нормандии, куда семья Пушкаревых привезла на лечение старшего сына. Рассказы Козлова о годах, проведенных в странствиях в далекой Азии, о своем учителе и друге Н. М. Пржевальском поразили воображение и увлекли восемнадцатилетнюю девушку. Она увидела в знаменитом путешественнике пример состоявшейся личности. Чуть позже она будет определять Козлова как человека «идейного». Его главная «идея» – изучение природы Центральной Азии – станет основополагающей и для нее.

Миловидная «институтка» с нежными чертами лица и неподдельным интересом ко всему, что было ему дорого, поразила сердце Козлова сразу и навсегда (к слову сказать, в то время Козлов был женат и имел двух детей). Для него ее образ невероятно переплелся с образом

Девочка проявляла живой интерес к жизни животного и особенно пернатого царства огромного Красносельского парка: «Часами сидели мы там с книжкой или наблюдали птиц в непосредственной близости. Мелких воробьиных, в особенности синиц, в те времена в Красном Селе было много, а людей не было совсем, так как в местный, так называемый «дворцовый» парк никого не пускали. Мы рано научились определять птиц по картинкам в детских книгах...»



Дневник, отражающий мысли и чувства 12-летней Лили Пушкаревой, в том числе и по поводу трагических событий русско-японской войны 1904 г., – первый в ее насыщенной и длинной жизни. Потом будет еще множество экспедиционных дневников, популярные статьи, учебники, фундаментальные научные труды... Но уже в первом ее «труде» за словами, написанными округлым детским почерком, встает человек с пытливым умом и отзывчивым сердцем





**Из отзыва А. П. Семенова-Тян-Шанского, известного зоолога и географа, на первую книгу Е. В. Козловой «Аскания-Нова. Зоопарк в южно-русских степях» (Петроград, 1923): «Общая характеристика заповедника и зоопарка Аскания-Нова ... перемежается с высокохудожественными картинками из жизни животных в зоопарке. Картинки эти, достойные пера Брэма или известного американского писателя Сетона-Томпсона, не имеют себе равных в научно-популярной литературе. Они пробуждают лучшие чувства читателя, возбуждая и удовлетворяя его любознательность и поддерживая в нем любовное и бережно-покровительственное отношение к животному и растительному миру».**

Первые уроки стрельбы из дробового ружья и навыки препарирования птиц для орнитологических коллекций Е. В. Козлова получила от своего мужа.  
*Ленкорань, 1934 г.*

«незабвенного учителя» – Пржевальского: «Как ты наполнила мою жизнь, как оживила и приблизила ко мне моего Пшеву». Он находил даже внешнее сходство между ними (воистину любовь слепа! – воскликнем мы, взглянув на портреты Пржевальского и Лили) и до конца жизни называл ее домашним, уменьшительно-ласкательным именем своего учителя – Пшевочка.

Два последующих года непрекращающейся переписки были наполнены обсуждением совместных планов и, конечно, новой экспедиции. Елизавета читает книги о Центральной Азии, ходит в Зоологический музей, на лекции в Географическое общество... Козлов постепенно вводит ее в круг своих знакомых – географов, востоковедов, биологов, знакомит со спутниками прошлых путешествий.

Бракосочетание состоялось 15 июля 1912 г. О том, как сложилась дальше совместная жизнь этой «неравной пары» – юной девушки и зрелого мужчины, знаменитого, с непростым характером и устоявшимися

привычками, – лучше всего свидетельствует надпись, сделанная спустя два десятилетия самим Козловым на книге, подаренной жене: «Моему первому большому другу, любимой Пшевочке, который оправдал себя даже превыше моих ожиданий...».

### Монгольская прелюдия

Елизавета, как и ее муж, навсегда «заболела» Центральной Азией, и под его влиянием окончательно решила посвятить себя занятиям наукой, а именно – изучению царства пернатых (известно, что из всех видов животных Козлов больше всего любил птиц). Петр Кузьмич собирался взять жену в свою следующую длительную экспедицию в Тибет, которая должна была начаться в 1914 г.

Во время поездки на оз. Иссык-Куль к могиле Пржевальского в 1913 г. Елизавета получила от мужа первые уроки стрельбы из дробового ружья и навыки препа-

рирования птиц для музейных коллекций, хотя охота на птиц и доставляла ей поначалу немалые душевные страдания. Козлов научил ее вести дневник наблюдений над поведением птиц, а также проводить метеорологические и топографические измерения. А в знаменитом парке-заповеднике Аскания-Нова в Херсонской губернии Елизавета Владимировна встретила своего будущего учителя и научного руководителя, выдающегося российского ученого, родоначальника школы советских орнитологов П. П. Сушкина, в то время заведующего кафедрой в Харьковском университете.

Война 1914 г. круто изменила планы четы Козловых. Уже сформированная и снаряженная Тибетская экспедиция была отложена на неопределенный срок. Козлов, в то время полковник Генерального штаба, был назначен комендантом г. Тарнов в Галиции, а его жена несколько месяцев работала сестрой милосердия в санитарном поезде. Через год Козлова назначили начальником Монгольской экспедиции по заготовке скота для нужд действующей армии. Из Иркутска супругам удалось совершить несколько поездок по Восточной Сибири и Монголии, а летом 1915 г. Елизавета Владимировна впервые посетила г. Ургу (ныне Улан-Батор). Свои впечатления она опубликовала в виде большого очерка в журнале «Землеведение».

Октябрьский переворот принес большие перемены в жизнь семьи. В конце 1917 г. бывший генерал-майор царской армии Козлов был назначен правительственным комиссаром по охране Аскании-Нова. Там Елизавета Владимировна продолжила занятия орнитологией, около полутора лет изучая жизнь птиц в условиях неволи. Она обладала редкостным, но столь необходимым для натуралиста умением наблюдать природу: «В этом тихом, молчаливом подсматривании жизни природы скрывается такое очарование, равное которому человек едва ли может испытать при постоянном общении с другими людьми». Результатом этой работы стала ее первая самостоятельная книга, получившая высокую оценку специалистов.

В 1922 г. советское правительство поддержало проект Козлова о возобновлении Тибетской экспедиции, выделив на нее 100 тыс. рублей золотом. Однако экспедиции не суждено было попасть в Тибет: из-за доноса о «белогвардейских настроениях» Козлова власти не выпустили путешественников за пределы Монголии. Так экспедиция фактически стала Монгольской.

Елизавета Владимировна была включена в ее состав в качестве орнитолога и одного из старших помощников начальника экспедиции. Она с усердием готовилась к долгожданному путешествию, занимаясь систематикой птиц в Зоологическом музее под руководством строгого и требовательного П. П. Сушкина.



Полевой бинокль Е. В. Козловой.  
Музей-квартира П. К. Козлова (Санкт-Петербург)

← начало на стр. 50

**Исследовательская деятельность Козлова получила высокую оценку мирового научного сообщества. Он был избран почетным членом Русского, Венгерского и Голландского географических обществ, награжден золотыми медалями Итальянского и Лондонского географических обществ и премией им. П. Чихачева Парижской Академии наук.**

**Имя Козлова хорошо известно специалистам разных отраслей знания: археологам, востоковедам, зоологам, ботаникам, этнографам. Уникальные находки, сделанные им в засыпанном песками городе Хара-Хото в пустыне Гоби\* (1909 г.) и в захоронениях хунну в горах Ноин-Ула (1924 г.)\*\* вошли в число выдающихся достижений археологии XX в. Материалы этих раскопок являются сегодня украшением коллекций Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского института восточных рукописей РАН, где их изучение продолжается по сей день. Многочисленные естественно-научные коллекции экспедиций хранятся и изучаются в Ботаническом и Зоологическом музеях РАН.**

**Естественно-исторические и археологические коллекции, привезенные из экспедиций, не только обогатили российские музеи, но сделали возможным знакомство с природой, культурой и историей Центральной Азии не одного поколения россиян.**

**Книги Козлова «Монголия и Кам», «Тибет и Далай-лама», «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», написанные живым, ярким языком, вызывали и до сих пор вызывают широкий читательский интерес. Они во многом способствовали осуществлению мечты путешественника, чтобы «тропа русских исследователей не заросла в Центральной Азии и Тибете».**

\* «НАУКА из первых рук», №5 (11), 2006

\*\* «НАУКА из первых рук», №1 (4), 2005; № 6 (12), 2006; № 4 (28), 2009



## В страну мечты

Монголо-Тибетская экспедиция, продолжавшаяся три года, стала проверкой не только профессиональной, но и физической подготовки Козловой. Ей было непросто совершать многочасовые переходы в седле: давала знать боль в тазобедренном суставе (у нее был врожденный вывих бедра). При этом Елизавету Владимировну отличало необычайно развитое чувство ответственности и повышенная требовательность к самой себе: она приходила в ужас от мысли, что станет обузой для отряда, не сможет быть достаточно полезной общему делу.

Но опасения молодой исследовательницы были напрасными – об этом свидетельствует объем работ, который она успешно выполняла. Помимо обязательных орнитологических наблюдений и сборов, она проводила глазомерную буссольную съемку и вычерчивала карты местности.

Весной 1926 г. Козлов командировал свою жену в практически неисследованный район – на оз. Орок-



В полевом дневнике, который Е. В. Козлова вела во время Монголо-Тибетской экспедиции\*, нашлось место не только орнитологическим наблюдениям...

Несмотря на свой физический недостаток (врожденный вывих бедра), путешественница уверенно сидела в седле. Монголия, Ихэ-Богдо, 1926 г.

\* Из экспедиционного дневника Е. В. Козловой 1923–1926 гг. (Архив Музея-квартиры П. К. Козлова. Ф. 3. Оп. 9. Д. 9/2236)



### НАЧАЛО ПУТИ. ОСЕНЬ 1923 г.

*Троицкосавск. 15-е сентября.* Впервые начинаю свой дневник путешествия. Экспедиционный дневник. Почему-то не хотелось начинать его с момента выхода из Петрограда, все казалось, что на границе родной земли должна начаться новая жизнь. И внешняя, и внутренняя. Я, собственно, еще не знаю даже, что я буду писать. Жизнь души так связана у меня с моей теперешней работой, что отделять одно от другого, кажется, не придется.

...Вчера вернулись из Чжаланьгуня. Была уже ночь. Ехали чудесно в тарантасе. Молодой месяц закатился рано, сияло только звездное небо. Едва-едва намечалась дорожка, по которой мчала нас лихая тройка. Вспоминался Туркестан, и хотелось ехать так сотни и сотни верст. Вот подъем. Сосны. Целый лес, какое-то ущелье, перевал. Не видишь, не знаешь, и сидишь, сидишь, безвольно катясь в пространстве, в бездну – такую ласковую, благоуханную. Теплые струи ароматичного воздуха изредка обвевают тебя и приносят неясные запахи тонких духов природы. Это тоже счастье. Счастье оторвавшегося листа, но оторвавшегося в момент его, может быть, наибольшей мощи, вследствие сильной воли к жизни, в момент освобождения. Все осталось. Прощания окончены совсем.

*16 сентября.* Началась деятельная жизнь. Представляю, что будет во время путешествия, когда уже сейчас, без экскурсий, с одними только сборами и приготовлениями, с разборкой винтовки и записями в специальные дневники, совершенно не остается времени для души.

Ни почитать, ни подумать, ни написать письма. Я даже не ожидала.

...Очень волнуюсь, не быть достаточно умелой, достаточно полезной, достаточно знающей. Ничего не знаю и ничего не умею. Но желаю страстно. Может быть, это поможет.

*21 сентября.* Как тяжело мне стрелять птиц. Как измучена я сегодня первыми своими трофеями... Какой ужас это трепетание жизни перед лицом смерти. Это сердечко... Эта маленькая, тяжело вздыхающая грудка. Какой кошмар. О, если бы кто-нибудь видел, как «зоолог», «путешественница», стоя на коленях, в лесу, над убитой, умирающей *Ruticilla* (горихвосткой – прим. ред.) рыдала безудержно, безутешно. Господи, я знала, что мне будет трудно снова взяться за ружье. Но не думала, что в такой мере полюбила я все живое...

*25 сентября.* Сегодня пришли подводы, шла спешная, последняя укладка, все замотались. Вчера – то же самое, только утром я ненадолго сходила на экскурсию – вдоль речки. Убила ни в чем не повинную клушицу (на скелет для Академии) и плиску. Еще прозвала какую-то, по-видимому, пролетную птичку, опустившуюся у речки. Она пищала совсем особенно, окраска ее казалась темно-коричневой. Я могла убить ее, но призадумалась, мне вдруг показалось, не плиска ли это опять, и я решила сначала разглядеть хорошенько. Она вспорхнула и улетела, забирая все выше и выше в небо. Бог спас – и прекрасно. Утро было чудесное, теплое, солнечное. Клушицы перекликались такими звонкими, такими





чудными светлыми голосами. Изящные и даже благородные птички. Черный цвет их даже не похож на вороний – он особенно бархатистый и чистый. Оперение пушистое, мягкое. И красные клювы на черном фоне – это так красиво. Длинной, длинной вереницей летели гуси. Мощные, сильные, большие. Летели неустанно и упорно...

26 сентября. Утром выступили из Троицкосавска на подводах. Много провожающих, цветы, речи. Вытянулись подводы длинной вереницей, все идут рядом – с винтовками, в полном походном порядке... Странное чувство – радостное и жуткое. Воображаю мое впечатление от верблюжьего каравана...

27 сентября. Видели сокола на столбе, близко от тарантаса. Видели сарыча и какого-то орла. Все время бежали по дороге жаворонки *Otosogus*. Их везде большие стаи. Других птиц мало... Только на перевозе через Иро сидело несколько обыкновенных сорок, вороны и даурские галочки. Голубых сорок не видно и не слышно. Горы везде, куда ни глянешь...

28 сентября. Всю ночь лил обложной дождь, мерзкий, тоскливый. К 12 прибыли на Шара-гол. Маленькая речка, с чистой, прозрачной водой. Взлетели утки. Долина широкая, приветливая. Всюду степь – ирисы, дэрэсун, местами ковыль. На вершинах отдаленных гор и в ближайшей пади, среди леса, белеет снег. Это первый снег нынче здесь, и первый для нас.

Хищников много. *Buteo* (канюки – прим. ред.) на столбе. На падали, от которой только что ушли, наевшись, собаки, сидел орел. Семья орлов парила в облаках. Летят жаворонки полевые (но плохо видно, слышно по голосам). Наблюдала маленьких полевых мышек. Почти под каждой дэрэсунинкой – норка. От одной норки к другой ходы, узкие, аккуратные. Все испещрено норками и разрисовано ходами. Над самой норкой – сложенные соломинки, чтобы загородить, скрыть вход. Мышки очень чутки, осторожны и хорошо видят. При приближении человека тотчас прячутся и пищат. Им отвечают другие, и писк слышится непрерывный (при ходьбе) на большом расстоянии.

на стр. 62

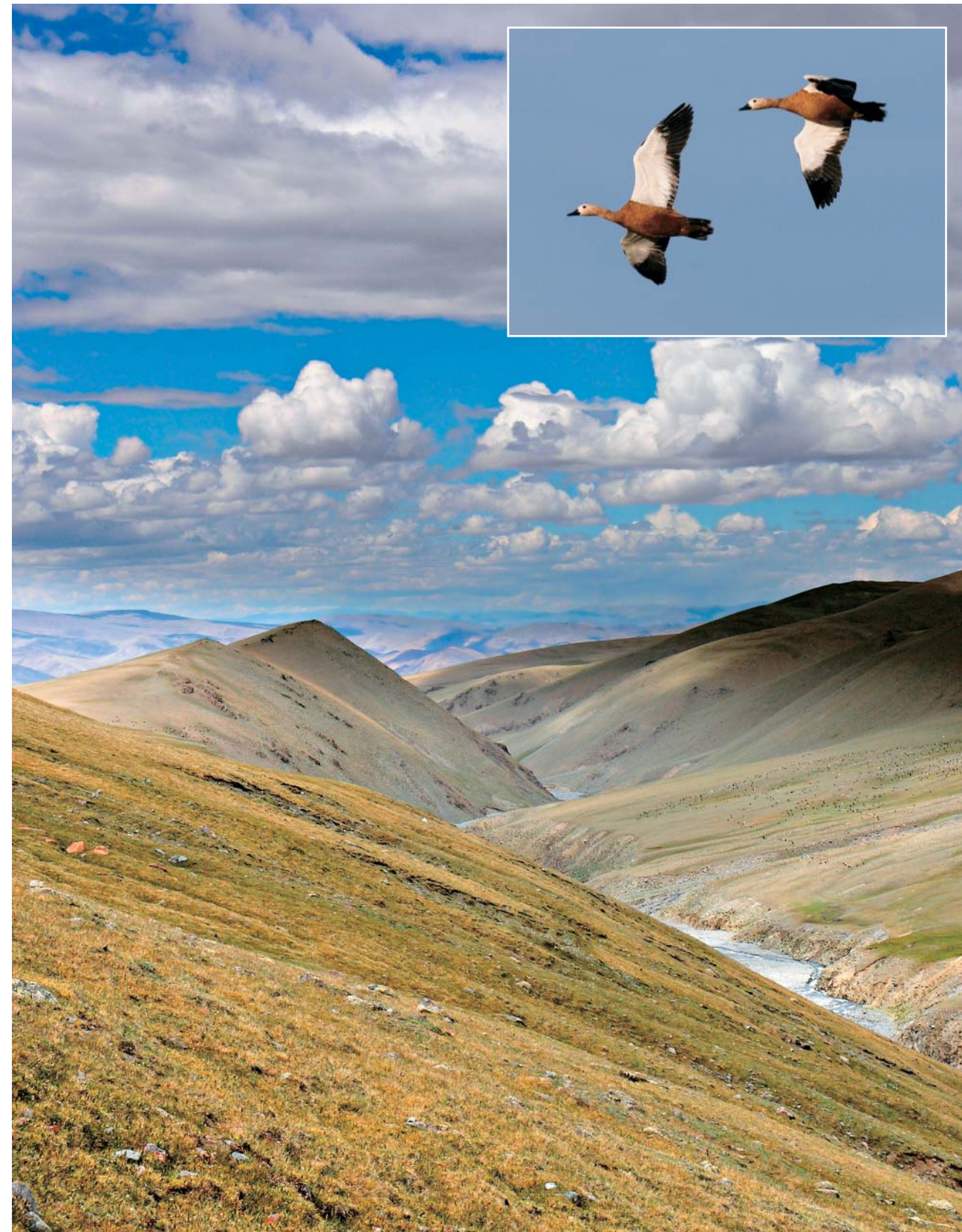


Огарь – обычный обитатель аридных районов Азии – у большинства тюркских и монгольских народов считается священной птицей. Порой их гнезда располагаются в нескольких километрах от воды, в укрытиях. Известны случаи, когда огари выводили потомство в отнорке жилой лисьей норы.  
Фото В. Глупова (ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск)

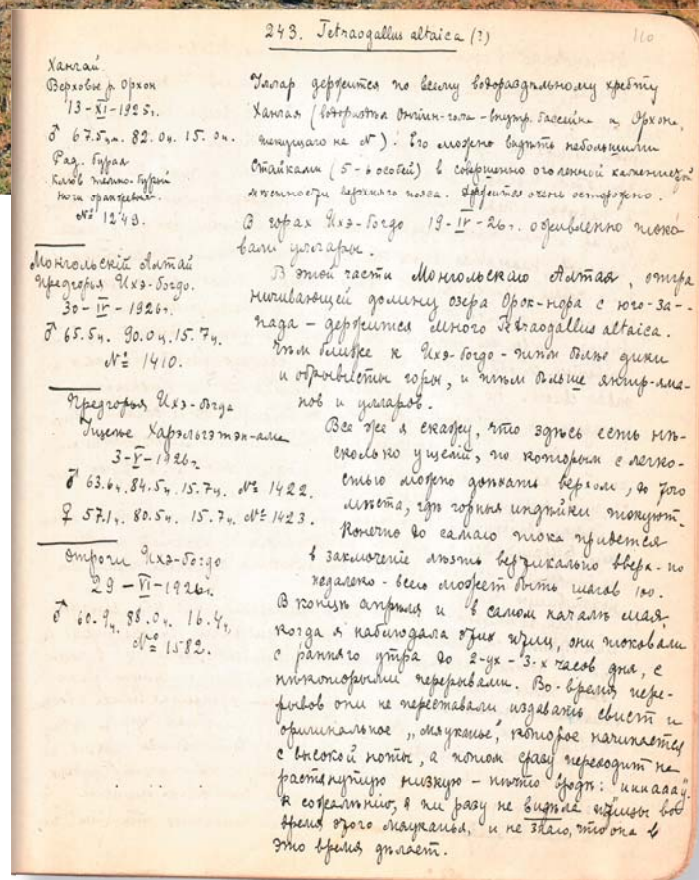
нор, в 300 км от основной базы экспедиции. Здесь она в течение четырех месяцев наблюдала весенний пролет птиц, собирала зоологические и ботанические коллекции. Работа эта была далеко не безопасной: однажды при раскопке норы грызуна ее укусил щитомордник. Об этом происшествии, едва не стоившем ей жизни, Козлова упоминала впоследствии как о маленькой неприятности, из-за которой ей две недели пришлось писать дневники левой рукой.

...Экспедиция, вернувшаяся в Ленинград осенью 1926 г., привезла с собой огромную орнитологическую коллекцию – около 1700 экземпляров! Ее обработкой и занялась Елизавета Владимировна под руководством Сушкина. Результатом изучения монгольских сборов стал ее первый большой научный труд – монография «Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби» (1930) с подробным физико-географическим описанием обширного региона и систематизированным перечнем видов птиц. Основные положения этого труда были опубликованы в начале 1930-х гг. в престижном английском журнале «The Ibis» по просьбе Британского орнитологического общества.

Е. В. Козлова вместе с участниками Монголо-Тибетской экспедиции. Монголия, Ихэ-Богдо, 1926 г.  
Фото из Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург)







Бурокрылая ржанка для Монголии – птица пролетная. Она гнездится в тундрах азиатской части России, а зимует на побережьях Юго-Восточной Азии и Австралии. Фото А. Юрлова (ИСИЭЖ СО РАН, Новосибирск)

## Орнитолог

В 1928 г. скоропостижно скончался учитель Козловой – академик П. П. Сушкин. В это тяжелое время в ее личном дневнике появляется отчаянная запись: «Мой учитель умер... Во внешней жизни, в научной работе, в возможности самостоятельного проявления моих сил – крушение, подлинное и непоправимое. Конец всего.

Я не могу жить научной работой. Это – лишь забава. И если кто вдохновлял меня на нее – это он, ушедший. Радость его каждому достижению моему, каждому новому слову, радость почувствовать себя звеном его блестящих обобщений, выводов – все умерло. И, Боже мой, что делать теперь – не знаю».

Но она ошиблась в себе. Уже летом следующего года по распоряжению Монгольской комиссии АН СССР Козлова отправится в Монголию во главе отдельного зоологического отряда для изучения высокогорной

фауны практически не исследованного района Хангая. По ее словам, экспедиции «удалось разыскать места гнездования и собрать большие серии очень редких птиц, отсутствовавших в мировых музеях».

Орнитологические исследования Козловой в Монголии продолжились в 1931 г. в Восточном Кентее у истоков р. Керулен. Но эта поездка в Центральную Азию, страну ее юношеской мечты, оказалась последней. Много лет спустя, незадолго до своей кончины она напишет: «Все полевые исследования в МНР навсегда останутся самыми светлыми периодами моей работы. Я любила в Монгольской Народной Республике все: холмистые ароматные польнные степи с редким населением, тихие озера со стаями непуганых гнездящихся птиц, табуны мчащихся полудиких коней...»

К началу 1930-х гг. Елизавета Владимировна сформировалась в самостоятельного и авторитетного учено-



Сотрудники орнитологического отдела Зоологического музея. 1923 г. Слева направо: Л. А. Портенко, Л. М. Шульпин, П. П. Сушкин, Н. Н. Сушкина, Б. К. Штегман, П. В. Серебровский, Е. В. Козлова, А. Я. Тугаринов, А. И. Иванов





го-орнитолога: она становится научным сотрудником Зоологического института АН СССР, только что созданного на базе Зоологического музея; ей присваивается степень кандидата биологических наук без защиты диссертации.

В 1935 г. ее настигает новое испытание: смерть Петра Кузьмича Козлова, мужа и первого учителя, определившего ее жизненный путь. Она передала коллекции и научные приборы, хранившиеся в семье в различные музеи Ленинграда, Смоленска и Кяхты. Сама же квартира перешла ей в пожизненное пользование в знак уважения к выдающимся заслугам ее мужа. (Ныне здесь расположен мемориальный Музей-квартира П. К. Козлова).

Оставшись вдовой в возрасте 43 лет, всю вторую половину своей жизни Елизавета Владимировна без остатка посвятила науке. После Великой Отечественной войны здоровье ее оказалось сильно подорванным и уже не позволяло ей участвовать в экспедициях. Но ничто не могло помешать ее аналитическим исследованиям и камеральным работам. Так, в 1952 г. она опубликовала

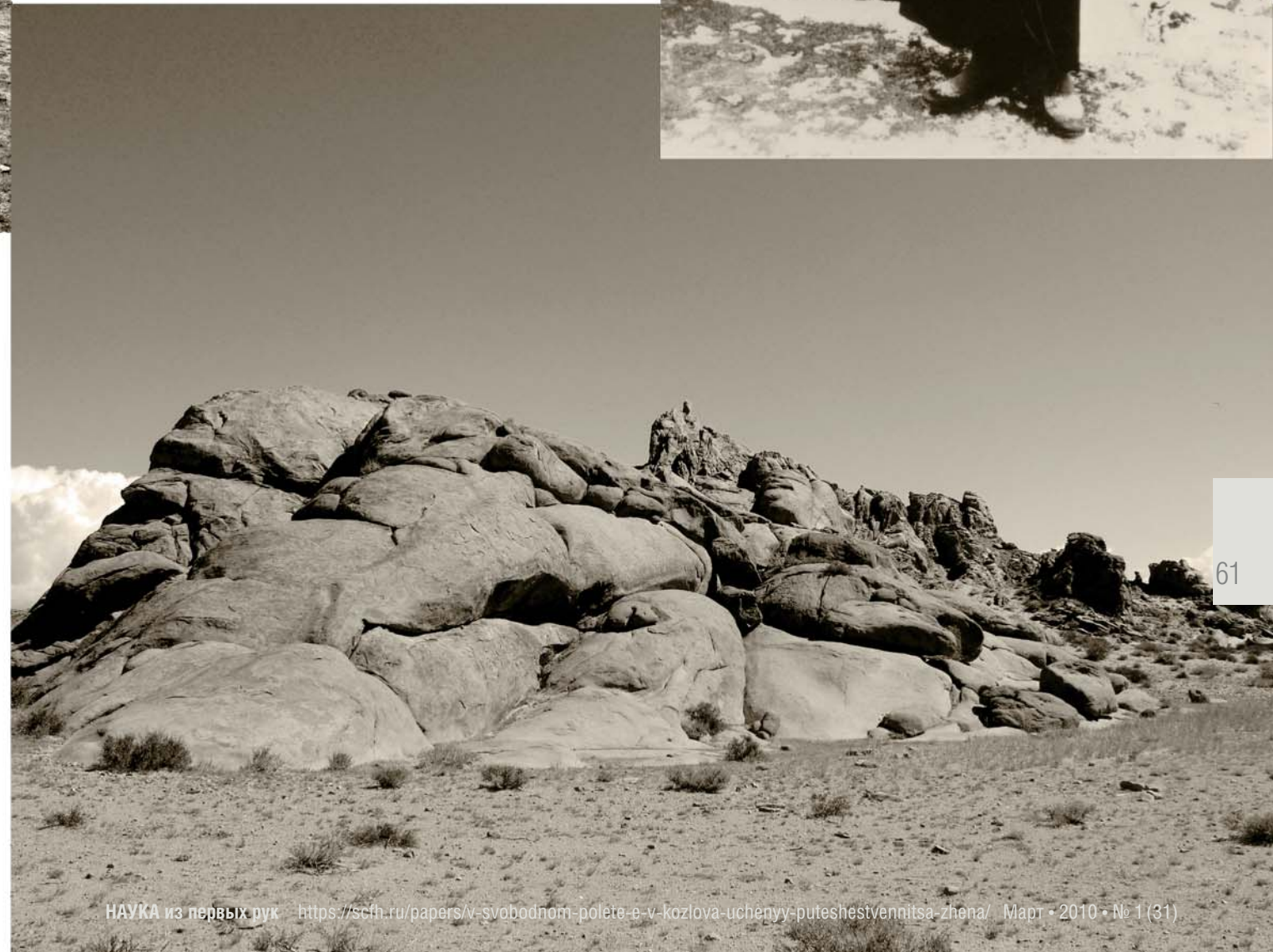
Сегодня «плиской» в народе называют желтую трясогузку. Но во времена Е. В. Козловой так звали белую трясогузку, отличающуюся белой грудкой. На территории своего обширного ареала эти птицы образуют более десятка различных географических форм (подвидов).  
 Фото А. Юрлова (ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск)

большую статью, посвященную орнитофауне Тибета – одну из пионерных и наиболее фундаментальных работ в области орнитогеографии и истории фауны нагорной Азии. Притом что в самом Тибете исследовательнице так и не удалось побывать...

Елизавета Владимировна плодотворно занималась и фаунистическими исследованиями СССР. Она активно работала над подготовкой томов из серии «Фауна СССР», написала ряд статей для Большой советской энциклопедии и периодических научно-популярных изданий.

И все же в своем последнем научном труде она вновь обратится к своей «первой любви»: монография «Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии» увидит свет в 1975 г., уже после кончины автора.

Е. В. Козлова – орнитолог и помощница начальника Тибето-Монгольской экспедиции. Монголия, 1923 г.







Сядешь тихо... Кузнечики стрекочут, цикады трещат, поднимаясь и опускаясь над землей и блестя своими розовыми крылышками. Вон паучок тихо и деловито ползет вверх по дэрэсунинке. Мышка только едва-едва покажет нос и острые черные глазки – и тотчас видит человека даже на расстоянии десяти шагов и боится. Она величиною с мизинец, может быть, даже немного меньше. Цвета серовато-коричневого. За ними охотится лунь белый, старый...

Вечером приехали в долину Баин-гол, к подножию Манхада. Внушительный хребет. Широкая долина, плодородная, китайцы сеют хлеб. Везде горы без конца и без края... Видели дроф. Вечером выходила и гуляла одна в степи. При заходе солнца дует сильный бриз с запада, но как только начинает вставать луна – ветер сразу меняет направление и тянет с востока. Это, оказывается, самое обычное явление.

Около 9 часов вечера видела чудесный метеорит. Он падал со стороны Манхада, с юга на север. Он был виден в продолжение, по меньшей мере, 5–8 секунд и пролетел через 1/3 небесного свода. За ним оставалась светлая полоса. Под конец он разбился на три части. Первая была самая крупная и яркая, две следующие рядом поменьше. Мне казалось, он непременно должен упасть на землю, и я услышу звук падения. Но ночь оставалась незбылемо тиха, и он погас в вечности...

30 сентября. ...Холод, ветер, совсем зима настала. Гуси продолжают лететь большими вереницами, и мы летим вместе с ними, тоже на юг. Встречаются кочующие монголы. Идут из более высоких мест, в теплые долины, защищенные от ветров. Странно, что я не видела

у них ни одного верблюда, и передвижение происходило на тележках двухколесных, с кривыми колесами, запряженных волами. Старики, старухи и маленькие дети сидят в телегах, а прочие едут верхом... Сзади идут собаки, мальчики гонят скот и лошадей, а овцы всегда на большом расстоянии – идут медленно.

1 октября. Встали в 3 часа. Утро морозное. Впервые переезжали замерзший ручей. Знобка страшно. Ветер резкий...

Вот снова Урга. Все то же. Только одни блестящие, сияющие золотом крыши – чисты. Остальное все невозможно грязно...

7 октября. ...Ежедневно из Калгана идут бесчисленные караваны верблюдов. Строгие лица у них и гордые. Красивые животные. Они словно долг своей исполняют и знают свое место в жизни...

14 октября. ...Вчера были у Богдо. Нас не допустили. Видели случайно издали его молоденькую жену. Она вышла из нарядной большой юрты, крытой сверху разноцветными коврами, и села в желтое кресло на двух колесах с резиновыми шинами (как для сидячих больных). Это кресло осторожно везли четыре или пять лам, все в красных одеждах, без головных уборов...

К нам вышел приближенный лама. Он был в необычайно грязном халате и сам казался совершенно исключительно грязным, корявым. Мы передали чудесные, изящнейшие подарки, а сами пошли смотреть соседнее помещение, за оградой.

...В большой клетке сидело два бурых местных медведя, пойманные маленькими медвежатами. Здесь же, прямо по дороге, гуляла оленица (марал) и дикая

П. К. Козлов и Е. В. Козлова (в центре) перед полетом на «Юнкерсе». 14 сентября 1926 г. Улан-Батор, Монголия. Фото из Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург)



козуля. Они были совсем ручные. В клетке сидел орел (типа могильника). За оградой паслась на траве дээрэн, женская особь). Везде грязно, неприбрано, какие-то закоулки, переходы, свалки старых печей и пр.

В другом дворце, за белой оградой, с очень красивыми китайского стиля воротами и загородкой белой, жил слон. Большое помещение, полутемное, и жалкий слон, беспрерывно раскачивающий головой справа налево...

...Приезжие на поклонение Богдо богомольцы все обходят по 7 раз его дворец, а иногда их допускают прийти и получить благословение «по прямому проводу», т. е. к Богдо проведена веревочка, за которую тот держится; богомолец, подержавшийся за противоположный конец веревочки, этим самым уже получит благословение...

15 октября. Вчера ездили в кумирню, построенную над прахом учителя Богдо – Йонцзон-Хамбо-Бакша... Он скончался лет 20 тому назад, 80 лет. Родом он был тибетец – очень начитанный и ученый. Сам Далай-лама избрал его учителем Богдо и отправил его с этой целью в Монголию. После смерти Йонцзон-Хамбо тело его бальзамировали. Это делается обычно так: тотчас после смерти, пока еще не наступило трупное окоченение, телу придают желательное положение – обыкновенно садят его (подогнув ноги) и складывают руки известным образом, после чего привязывают все члены неподвижно. Затем весь труп с головою засыпается солью, в которой он держится довольно долго. Засолив тело, его обкладывают тонким слоем «теста», сделанного из растертого в муку гнилого дерева (из которого готовят тибетские свечи), можжевельника и прочих пахучих трав и веществ, и это тесто способствует высушиванию тканей. После этого можно уже «штукатурить» – поверх

коры каким-то особым составом покрывают лицо, так что оно утрачивает все свои неровности и морщины, а потом золотят...

Когда мы вошли, было тихо. Ярко теплились монгольские лампы. Тибетские свечи, набросанные в металлический сосуд, медленно таяли, испуская характерный аромат. На высоком троне, куда ведут шесть ступенек, сидел покойный Хамбо, одетый в обычные парадные одежды гэгэна. Лицо – золотое, красные губы, синие глаза, опущенные слегка вниз с сосредоточенным выражением... Верхняя часть туловища и голова закрыты стеклянным чехлом, открывающимся с двух сторон.

...В храме не было молящихся, только один молодой лама молчаливо стоял на ступеньках, ведущих к мумии, и, опустив голову, молился с закрытыми глазами. Через несколько секунд он поднял открытое хорошее лицо, откинул стеклянную дверь колпака, и, поднявшись на последнюю ступеньку, совсем приблизился к застывшему мертвецу. Долго он смотрел на него неподвижно, потом взял деревянный стакан, полный деревянных палочек, и, потряхивая ими, протянул стакан Хамбо. Фигура, конечно, не шевелилась, и неподвижно застыли мертвые глаза. Лама молился, бормотал что-то, закрывал и открывал глаза, и все ближе и ближе подносил к лицу покойного стакан с палочками. Наконец от сильного встряхивания одна палочка стала определенно высываться из-за других и скоро выпала совсем наружу... Он с жадностью и нетерпением схватил ее, посмотрел ее номер и стал быстро рыться в лежавшей тут же книге. Лама гадал...

...Вчера я пробовала кататься верхом. Боюсь, что буду портить лошадей. Вообще настроение у меня отчаянное.





Е. В. Козлова вместе со своим мужем и другими членами Монголо-Тибетской экспедиции принимала непосредственное участие в раскопках курганов хунну в Ноин-Уле.

На фото вверху – лагерь экспедиции в урочище Судзуктэ. 1924 г., Монголия.

Фото из Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург)



Е. В. Козлова в хранилище орнитологических коллекций Зоологического института РАН

Фото из Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург)



В публикации использованы также ландшафтные фотографии д. б. н. В. В. Глупова (ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск), сделанные во время экспедиций в Монголию. (см. «НАУКА из первых рук», 2008, №1, с. 88—109)

Причины: боль в бедренном суставе правой ноги. Тревога за здоровье свое. Беспокойство за свою верховую езду. Предвижу неприятности с лошадьми. Вообще вижу, что трудности путешествия зимою попросту ужасны в самом настоящем, полном значении этого слова.

24 октября. Три дня провели на охоте за козами... Хорошо было там в лесу. По дну главной пади – сплошные заросли черной, низкорослой березы. С одного увала на другой иногда по утрам переходят козочки – тихо, не спеша. Поднимешься на вершину и глаз оторвать не можешь – всюду, везде, бесконечные, беспредельные волны гор. И все лес, лес и лес. По снегу – следы волков, лисиц, зайцев и козуль. Коз видели в каждом загоне. Свиристели, клесты, синички стайками бродили там и сям по лесу...

30 ноября. Сегодня я узнала, что экспедиция расформировывается. Я уже три дня в Сангине. Отдыхаю в одиночестве. И вдруг такая весть. Ну, что же. Будь, что будет... Экспедиции не быть, и никогда мне не увидеть Тибета. <...>

17 декабря. Продали верблюдов. Тех самых, которые должны были везти нас на юг. Мне так тяжело на сердце, что нет слов. Я вижу, как тухнет любимая, самая дорогая мечта моя...

Монголо-Тибетская экспедиция Русского географического общества, отправившаяся из Ленинграда летом 1923 г. под руководством П. К. Козлова, так и не достигла цели своего путешествия – Тибета. Зимой 1924 г. экспедиция была переформирована для работы в Монголии.

Самым выдающимся результатом последующей работы экспедиции стали открытие и раскопки древних курганов в горах Ноин-Ула, принадлежавших хунну. Помимо этих работ сотрудники экспедиции исследовали ряд малоизученных районов Монголии, собрав богатый археологический и естественнонаучный материал. Труды экспедиции инициировали в дальнейшем бурное развитие детального и разностороннего изучения Монголии, а сама Е. В. Козлова, по ее словам, «сохранила об этом путешествии самые светлые, незабываемые воспоминания»...

#### Литература

Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е. В. Козлова (1892–1975) / ред.-ст. Т. Ю. Гнатюк. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007.

Гнатюк Т. Ю. Дневник в начале долгой жизни // Автобус. Петербургский детский исторический журнал. 2004, № 3. С. 2–6.

Гнатюк Т. Ю. Е. В. Козлова. Русская путешественница в Монголии // Altaica VIII. М.: ИВ РАН, 2003. С. 49–59.

Иванов А. И. Исследователь орнитофауны Центральной Азии – Е. В. Козлова // Труды Зоологического института АН СССР. 1975, Т. 59. С. 249–250.

Иванов А. И., Юдин К. А. Елизавета Владимировна Козлова (к 70-летию со дня рождения) // Орнитология. 1963. Вып. 6. С. 493–494.

Bannerman D. A. Elizabeth V. Kozlova // Ibis. 1976. V. 118. P. 594.

Ivanov A. I. Elizabeth V. Kozlova // Ibis. 1976. V. 118. P. 127.

Вклад Е. В. Козловой в отечественную науку по достоинству оценен современными учеными. По мнению директора Зоологического музея РАН Р. Л. Потапова, «она сумела собрать воедино и дать логическое завершение всем авифаунистическим исследованиям российских исследователей Центральной Азии, причем с полным учетом вклада в эту работу и зарубежных натуралистов. И именно в этом непреходящая ценность научного наследия Елизаветы Владимировны».

В Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге, где Е. В. Козлова проработала более 40 лет, в отделе орнитологии сейчас работают ее ученики, для которых она – пример действительно самоотверженного служения науке. А для почитателей таланта ее мужа, путешественника П. К. Козлова, она навсегда останется его музой странствий, в которой он нашел верного спутника и единомышленника.